Дюк Степанович (18)

Как у ласкова князя да-й у Владимёра
Заводилось пированьицо-стол, почесьён пир.
Поежжаёт же Дюк да на почесьён пир,
Поежжаёт — молода жона ёму наказыват,
Вдвоё, втроё она Дюку да наговарыват:
«Уж ты ой еси, Дюк да свет Стёпановиць!
Ты поедёшь же, Дюк, да на почесьён пир,
Ты поедёшь — молодой жоной не захвастывайсе!»
Как поехал же Дюк дак на почесьён пир —
Как садили же Дюка да по задьней стол
Как на ту же скамейку на саму задьнею.
Говорил тут Владимер, князь стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодеч!
Мы не имени не знам, не вотцины,
Не отечесьва не знам, не молодецесьва, —
Ишше що же, доброй молодець, сидишь, не пьёшь, не ешь,
Ты не пьёшь, не ешь, молодеч, не кушаёшь,
Уж ты белой-то лебёдушки не рушаёшь,
Ты нецем, сидишь, молодеч, не хвастаёшь!» —
«Ишше нецим же у мня да будёт хвастати:
Да помёлышка у вас да всё сосновыя,
Да лебёдушка-та у вас пахнёт на сосонку, —
А у миня-то помёлышка — серебрянны,
Я помёлышка-ти мо́чу да в мёдовой воды;
А у миня-то ле дом — даг на семи вёрстах,
На семи вёрстах дом стоит с половиною,
Да круг дому-ту оградоцька — хрустальняя,
Подворотёнка у Дюка — да чистого серебра,
Да воротичка у Дюка — да красного золота!»
Да говорыл-то Владимёр, князь стольне-киевьской:
«Не пустым ле, доброй молодеч, сидишь, хвастаешь?
Не можно ле добра молоцца в тюрьму посадить?
Поежжайте вы, слуги же, осмотрите!» —
«Поежжайте, берите бумаг вы три воза:
Вы описывать будете ровно [т]ри года —

Вы опишите-й одну сбрую лошадинную!»
Тут и брали же Дюка да за белы руки,
Засадили же Дюка да в тёмны погребы.
Поежжали описывать сбрую лошадинную,
Они брали бумаг-то ведь всё три воза.
Как описывали они дак ровно три года —
Описали одну сбруюшку лошадинную,
Да и сами тогды вдомой отправлелисе.
Да молодая жона ёго догадаласе:
«Видно, захвасталса Дюк да сын Стёпанович!»
Нарежаласе она в платьи в муськом же всё;
Отправля[ла]се она ко князю ко Владимёру:
«Уж ты ой еси, Владимер, князь стольне-ки[е]вьской!
У вас нет ле такого да доброго молоцьця?
Не даитé ле вы мне-ка ёго подрусьником?»
Пошли-то же слуги да в тёмны погрёбы,
Ишше брали ёго да за белы руки —
Да отдавали ёму да всё подрусьником.
Увёзла она Дюка во своё местишшо.

(Зап. А. Д. Григорьевым 20 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Пóтруховой Домны, 27 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.